

Соколов П. П. Краткие сведения о жизни и трудах Виктора Дмитриевича Кудрявцева // Богословский вестник 1892. Т. 1. № 1. С. 215–232 (2-я пагин.).

Краткія свѣдѣнія о жизни и трудахъ Виктора Дмитріевича Кудрявцева.

3-го декабря минувшаго года скончался отъ инфлюэнцы, осложнившейся воспаленіемъ легкихъ, заслуженный ординарный профессоръ Московской духовной Академіи по кафедрѣ философіи, докторъ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Викторъ Дмитріевичъ Кудрявцевъ-Платоновъ. Въ его лицѣ Академія потеряла одного изъ славныхъ своихъ представителей, а русская философія одного изъ выдающихся своихъ дѣятелей. Вліятельный членъ академической коллегіи, талантливый профессоръ и плодовитый писатель, Викторъ Дмитріевичъ оставилъ по себѣ глубокіе слѣды и въ жизни Академіи, и въ исторіи нашего просвѣщенія, и въ нашей ученой литературѣ. Его многочисленные ученики и послѣдователи дѣйствуютъ и на кафедрахъ духовныхъ семинарій, и на кафедрахъ академій. Его сочиненія, печатавшіяся въ разное время въ разныхъ духовныхъ журналахъ, могли-бы составить нѣсколько томовъ, если-бы были собраны вмѣстѣ. Въ нашей русской философіи онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей теистическаго школы и занималъ приблизительно такое-же мѣсто, какое занимаютъ на Западѣ Ульрици, Поль Жанэ, или Секретанъ. Если при всемъ томъ его имя было мало извѣстно за предѣлами духовной среды и специалистовъ, то такова ужъ судьба всѣхъ русскихъ дѣятелей, не умѣющихъ подлаживаться къ увлеченіямъ времени и не желающихъ выставять себя на показъ. Считаемо долгомъ сообщить свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности, насколько это можно сдѣлать въ тѣсныхъ рамкахъ некролога *).

* Биографическія данныя о Викторѣ Дмитріевичѣ можно найти въ статьѣ И. Н. Корсунскаго въ журналѣ „Воскресный День“ за 1887 г. (съ порт-

Сынъ полкового протоіеря, В. Д. Кудрявцевъ родился 9-го октября 1828 года. Получивъ первоначальное образованіе въ свеняцкомъ уѣздномъ училищѣ для дворянъ и въ варшавскомъ духовномъ училищѣ, онъ потомъ воспитывался въ волынской, могилевской и черниговской семинаріяхъ. Переходить изъ одного учебнаго заведенія въ другое его заставляли условія службы отца, который долженъ былъ часто переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Въ 1848 году Викторъ Дмитріевичъ поступилъ въ Московскую духовную Академію. Это было время, когда въ Академіи еще преподавали славные представители ея старины, философъ *Θ. А. Голубинскій* и математикъ *И. С. Делицынъ*, когда уже была въ полномъ расцвѣтѣ научная дѣятельность универсальнаго ученаго богослова *А. В. Горскаго* и извѣстнаго эстетика *Е. В. Амфитеатрова*, когда выступали на учебное поприще другіе талантливые люди новаго поколѣнія, получившіе впоследствии извѣстность. Кромѣ Голубинскаго, который читалъ метафизику и исторію древней философіи, философскія науки преподавались тогда *И. М. Богословскимъ-Платоновымъ*, читавшимъ логику и исторію средневѣковой и новой философіи, и *Д. Г. Левицкимъ*, читавшимъ психологію и нравственную философію; о томъ и другомъ изъ нихъ покойный сохранилъ воспоминаніе какъ о талантливыхъ преподавателяхъ. Безъ сомнѣнія, здѣсь, въ Академіи, сложились первыя основы міросозерцанія Виктора Дмитріевича и образовались его философскія склонности. Его теистическое направленіе было воспитано тѣми началами, которыя и тогда господствовали въ академической философіи. Въ его уваженіи къ Канту и Якоби и въ его пониманіи этихъ мыслителей, вѣроятно, отражается до нѣкоторой степени вліяніе прот. *Θ. А. Голубинскаго*, который очень высоко

ретома). Почти полный списокъ сочиненій покойнаго съ краткими указаніями содержанія приведенъ въ „Матеріалахъ для исторіи философіи въ Россіи“ *Я. П. Колубовскаго*, (приложенія къ журналу „Вопросы философіи и психологіи“ годъ 1, кн. 4, стр. 20-32). См. также его очеркъ философіи въ Россіи, приложенный къ его переводу Исторіи философіи Ибервега, Спб. 1890 г. Общія свѣдѣнія объ академической и литературной дѣятельности Виктора Дмитріевича до 70-хъ годовъ даны въ „Исторіи Московской духовной Академіи до ея преобразования“ *С. К. Смирнова* (Москва 1879).

цѣнили ихъ. Извѣстная симпатія къ нѣмецкому идеализму, которую питалъ покойный, нисколько не раздѣляя воззрѣній этой школы, является отголоскомъ философскихъ интересовъ того времени и, можетъ быть, тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ выносилъ изъ аудиторіи Е. В. Амфитеатрова, читавшаго эстетику въ духѣ Гегеля. Уже на студенческой скамьѣ Викторъ Дмитріевичъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе и подавалъ блестящія надежды: и его товарищи, и его профессора видѣли въ немъ будущаго выдающагося дѣятеля науки. Окончивъ Академію въ 1852 году первымъ магистромъ XVIII-го выпуска, Викторъ Дмитріевичъ былъ оставленъ бакалавромъ (доцентомъ) библейской исторіи и греческаго языка. По ему недолго пришлось быть на богословской кафедрѣ: въ 1854 году умеръ О. А. Голубинскій и завѣщалъ ему свою кафедру метафизики и исторіи древней философіи. Съ этого времени началось его быстрое служебное возвышеніе и его широкая академическая дѣятельность. Уже въ 1857 году онъ былъ сдѣланъ экстраординарнымъ, а черезъ годъ ординарнымъ профессоромъ и членомъ конференціи. Около того-же времени онъ сталъ преподавать, кромѣ метафизики и исторіи древней философіи, новые языки—нѣмецкій (1856—1858 г.) и французскій (1860—1870). вмѣстѣ съ тѣмъ развивалась его литературная дѣятельность и росла его извѣстность. Его магистерское сочиненіе „О единствѣ рода человѣческаго“, печатавшееся въ академическомъ журналѣ въ 1852—1854 годахъ, и его другія работы, появлявшіяся въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ въ духовныхъ журналахъ, въ свое время обратили на себя большое вниманіе и быстро создали его ученую репутацію. Въ началѣ 60-хъ годовъ учреждались философскія кафедры въ русскихъ университетахъ, и министерство искало людей для замѣщенія этихъ кафедръ. Въ числѣ другихъ получилъ приглашеніе и Викторъ Дмитріевичъ, сначала въ 1860 году въ Московскій университетъ на кафедру, которую вскорѣ занялъ Юркевичъ, затѣмъ въ 1861 г. въ Петербургскій на кафедру, которую впоследствии занималъ Владиславлевъ. Оба эти предложенія были отклонены покойнымъ отчасти по его собственному желанію, отчасти по желанію митрополита Филарета, который высоко его цѣнилъ и хотѣлъ сохранить для своей Академіи. (См. письмо м. Филарета къ министру

нар. просвѣщенія графу Путятину, писанное по поводу послѣдняго приглашенія. *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ*, изд. подъ редакціей Саввы, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, т. V ч. I стр. 126—127). Въ этоже время Викторъ Дмитріевичъ былъ удостоенъ высокой и рѣдкой чести: въ 1861 году онъ былъ приглашенъ преподавать философію Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу. Въ продолженіе года (съ января 1861 до января 1862) онъ читалъ своему Августѣйшему ученику логику и метафизику, а въ свободные часы давалъ уроки психологіи, если не ошибаемся, Е. И. Высочеству Николаю Максимиліановичу герцогу Лейхтенбергскому. Наградой за этотъ почетный трудъ былъ слѣдующій отзывъ попечителя Цесаревича, графа С. Г. Строганова въ его письмѣ къ митрополиту Филарету: „Исполнивъ съ примѣрнымъ усердіемъ и съ замѣчательнымъ талантомъ ввѣренное ему ученіе, молодой профессоръ умѣлъ возбудить въ Августѣйшемъ своемъ ученикѣ сочувствіе къ самому предмету ученія и, конечно, много способствовалъ въ продолженіе истекшаго года къ просвѣщенію его разума и къ укрѣпленію нравственныхъ его силъ. Постоянно слѣдя за лекціями г-на Кудрявцева, я обязанностью считаю свидѣтельствовать о принесенной имъ пользѣ и благодарить Ваше Высокопреосвященство за милостивое содѣйствіе, оказанное Вами въ образованіи Наслѣдника Престола. Пріятно Вамъ будетъ слышать отъ самого наставника, съ какимъ чувствомъ и въ какихъ выраженіяхъ Николай Александровичъ прощался съ нимъ“ *). Отъ обычной пожизненной аренды, которая предлагалась всѣмъ наставникамъ Цесаревича, Викторъ Дмитріевичъ отказался. Въ 1870 году совершилось преобразование Духовныхъ Академій, измѣнившее ихъ программы и создавшее новыя условія дѣятельности ихъ преподавателей. Съ этого года Викторъ Дмитріевичъ оставилъ преподаваніе исторіи древней философіи и французскаго языка и сталъ читать метафизику и логику. Въ 1873 году онъ защищалъ свою докторскую диссертацию „Религія, ея

*) Собственноручное письмо гр. Строганова хранится въ дѣлахъ внутренняго Правленія Академіи за 1860 годъ.

сущность и происхождение“ и получилъ высшую богословскую степень. Въ теченіе всего времени, пока дѣйствовалъ уставъ 1869 года (съ 1870 до 1884), онъ состоялъ помощникомъ ректора въ богословскомъ отдѣленіи, а въ 1875, 1876 и 1878 гг. временно исправлялъ должность ректора. Начиная съ 1879 г., онъ былъ членомъ редакціоннаго комитета по изданію академическаго журнала „Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ, съ прибавленіями“. Въ 1882 году Викторъ Дмитріевичъ состоялъ членомъ Комитета для преобразованія духовныхъ академій и участвовалъ въ разработкѣ дѣйствующаго въ нихъ въ настоящее время устава. Насколько намъ извѣстно, именно его вліянію обязаны духовныя академіи тѣмъ, что онѣ имѣютъ по прежнему три философскія кафедръ, а не двѣ, какъ этого хотѣли нѣкоторые члены Комитета. Имъ-же была составлена дѣйствующая нынѣ программа преподаванія философіи въ семинаріяхъ. Начиная съ 1885 года до смерти покойный былъ председателемъ Братства Преподобнаго Сергія, для вспоможенія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Московской духовной Академіи, основаннаго при его горячемъ содѣйствіи. Періодъ 80-хъ годовъ былъ временемъ наиболѣе плодотворной литературной дѣятельности Виктора Дмитріевича: онъ много печаталъ въ „Православномъ Обзорѣніи“ и въ основанномъ при его участіи Харьковскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“. Начиная съ 70-хъ годовъ, онъ былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, принимавшихъ участіе во внутреннемъ управленіи Академіею; пересматривая дѣла академическаго Совѣта за это время, можно увидѣть, какое значеніе имѣли здѣсь голосъ и инициатива покойнаго. Прекрасный профессоръ, Викторъ Дмитріевичъ всегда пользовался горячей любовью своихъ слушателей и имѣлъ въ ихъ глазахъ выдающійся ученый и нравственный авторитетъ. Соединяя съ своими заслугами привлекательнѣйшую нравственную личность, покойный былъ окруженъ всеобщими симпатіями и уваженіемъ. Эти симпатіи и уваженіе особенно ясно выразились въ 1877 и 1887 гг., когда онъ праздновалъ свой 25-лѣтній и 35-лѣтній юбилей: рядъ адресовъ, телеграммъ и подарковъ привѣтствовалъ юбиляра отъ имени его почитателей, сослуживцевъ и учениковъ.

Литературная дѣятельность Виктора Дмитріевича стоитъ

въ связи съ умственными теченіями того времени, когда онъ выступилъ на ученое поприще. Это было время 50—60-хъ годовъ, время особаго духовнаго возбужденія въ русскомъ обществѣ. Русское общество съ лихорадочною поспѣшностью стремилось къ разнообразнымъ видамъ свободы и рвалось на встрѣчу „зарѣ новой жизни“. Прекрасное, но очень растяжимое слово „прогрессъ“ сдѣлалось лозунгомъ жизни и предметомъ своеобразнаго полу-мистическаго культа. Идеалы прежняго времени стали отходить въ область преданія; гегельянство и славянофильство людей 40-хъ годовъ уступили мѣсто матеріализму, эволюціонизму а потомъ позитивизму, которые имѣли для того времени привлекательный интересъ повизны и обаяніе послѣдняго слова науки. Всѣ вопросы, — антропологическіе, психологическіе, космологическіе и религиозные, подвергались разсмотрѣнію и ршенію въ духѣ новыхъ теорій. Религіозный индифферентизмъ, склонность къ которому всегда была довольно замѣтна въ русскомъ обществѣ, получалъ въ этихъ теоріяхъ новую точку опоры и нерѣдко переходилъ въ совершенное невѣріе. Всѣ эти явленія нужно имѣть въ виду при разсмотрѣніи и первыхъ и послѣдующихъ трудовъ покойнаго. Уже его магистерская диссертация „*О единствѣ рода человѣческаго*“. (Прибавленія къ твореніямъ св. Отцевъ, 1852 г. кн. 4, стр. 502—547; 1853 г. кн. 1 стр. 23—118, кн. 2 стр. 198—238, кн. 3 стр. 369—418; 1854 г. кн. 1 стр. 15—68, безъ подписи имени), въ которой онъ на основаніи богословскихъ и научныхъ данныхъ защищаетъ библейское ученіе о происхожденіи людей отъ единой четы, близко соприкасается съ жгучими научными вопросами того времени. Еще болѣе прямое отношеніе къ этимъ вопросамъ имѣютъ двѣ его послѣдующія статьи: „*О единобожіи, какъ первоначальномъ видѣ религіи рода человѣческаго*“ (Прибав. къ твор. св. Отцевъ 1857 г. кн. 3 стр. 328 — 416) и „*О первоначальномъ происхожденіи на землѣ рода человѣческаго*“ (Православное Обозрѣніе 1860, февраль, стр. 173—302; мартъ, стр. 326—362), гдѣ онъ подвергаетъ критикѣ прогрессивную теорію развитія религиозныхъ представленій и разбираетъ эволюціонную теорію происхожденія органическихъ существъ, въ связи съ критикой общихъ принциповъ матеріализма. Въ статьѣ „*Безусловный про-*

грессъ и истинное усовершенствованіе рода человеческого“ (Прибав. къ твор. св. Отцевъ 1860 г. кн. 1 стр. 6—50, безъ имени) онъ разсматриваетъ увлекавшую умы его времени идею прогресса и обосновываетъ христіанскій взглядъ на процессъ историческаго развитія челвѣчества. Въ трехъ статьяхъ „*О религиозномъ индифферентизмѣ*“ (Духовная Бесѣда 1861 г. № 36 стр. 3—15, № 37 стр. 38—56, № 40 стр. 97—120) онъ вооружается противъ господствующаго настроенія времени, ставитъ его въ связь съ успѣхами матеріализма и указываетъ на его вредное въ нравственномъ отношеніи вліяніе. Въ критической замѣткѣ „*Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами, тт. I—V, Спб. 1861—62*“ (Прибав. къ твор. св. Отцевъ 1863 г. кн. 3 стр. 291—368, безъ подниси имени) онъ разбираетъ богословскія и философскія статьи П. Лаврова и другихъ, написанныя въ духѣ современнаго матеріализма и позитивизма. Болѣе общій и независимый отъ явленій минуты интересъ имѣетъ его статья „*Объ источникѣ идеи Божества*“ (Сборникъ, изданный Московскою духовною Академіей по случаю ея 50-лѣтія, Москва 1864, стр. 31—78; Прибав. къ твор. св. Отцевъ 1865 г. кн. 4 стр. 363—410), въ которой онъ въ первый разъ высказалъ свою теорію происхожденія религіи, объясняющую религиозное сознаніе изъ специфической религиозной способности челоѣка и изъ непосредственнаго (интуитивнаго) познанія имъ сверхчувственной дѣйствительности. Впослѣдствіи онъ далъ этой теоріи широкое критическое и положительное обоснованіе въ своей докторской диссертаци „*Религія, ея сущность и происхожденіе*“ (Православное Обозрѣніе 1870 г. т. 1 стр. 417—464, 773—800, 895—939; 2 т. стр. 1—23, 239—271, 715—751; 1871 г. т. 1 стр. 145—185. Отдѣльною книгой, Москва 1871 г.). Такой-же общій философско-богословскій интересъ имѣетъ статья „*О промыслѣ*“ (Прибав. къ твор. св. Отцевъ 1871 г. кн. 1 стр. 147—210), гдѣ авторъ защищаетъ противъ пантеизма и деизма теистическую идею отношенія Божества къ міру. Въ своей актовой рѣчи „*Критическій разборъ ученія О. Конта о трехъ методахъ философскаго познанія*“ (Москва 1874), перепечатанной въ Православномъ Обозрѣніи подъ заглавіемъ „*Религія и позитивная философія*“

(1875, март. кн. стр. 398—431), Викторъ Дмитріевичъ разсматриваетъ извѣстный Конттовскій законъ трехъ фазисовъ и отстаиваетъ вѣчное значеніе религіознаго и философскаго познанія. Въ двухъ статьяхъ „*Телеологическая идея и материализмъ*“ (Прав. Обзор. 1877, январь, стр. 11—52; мартъ, стр. 496—529; сентябрь, стр. 52—85) и „*Телеологическое значеніе природы*“ (Прав. Обзор. 1878, февраль, стр. 194—233), которыя принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ покойнаго, онъ на основаніи опытныхъ и апріорныхъ данныхъ доказываетъ, въ противоположность матеріализму, цѣлесообразность міра въ его цѣломъ и въ его отдѣльныхъ явленіяхъ и развиваетъ мысль, что человѣкъ есть цѣль существованія природы. Въ двухъ другихъ статьяхъ, появившихся нѣсколько позднѣе, „*Материалистическій атомизмъ*“ (Прибав. къ твор. св. Отцевъ 1880 кн. 3 стр. 665—726), и „*Самостоятельность начала органической жизни*“ (Приб. къ твор. св. Отцевъ, 1881, кн. 2, стр. 445—476; кн. 3 стр. 39—90. Отдѣльный оттискъ, Москва 1881) авторъ подвергаетъ критикѣ основы матеріалистической метафизики, отвергаетъ атомизмъ въ космологической сферѣ и защищаетъ витализмъ въ области біологическихъ процессовъ. Въ статьѣ „*О происхожденіи органическихъ существъ*“ (Прибав. къ твор. св. Отцевъ 1883 г. кн. 1 стр. 45—106; кн. 2 стр. 432—478) онъ снова возвращается къ вопросу объ эволюціонизмѣ, разбираетъ теорію Дарвина и доказываетъ невозможность трансформациі органическихъ видовъ. Въ 1879 году Викторъ Дмитріевичъ началъ печатать въ Православномъ Обзорѣнн обширный курсъ „*Изъ чтеній по философіи религіи*“. Появились слѣдующія девять главъ, въ которыхъ подробно разсматриваются формы религій и религіозно-философскихъ міросозерцаній и дается историко-критическое изслѣдованіе доказательствъ бытія Божія *). *I. Первобытная религія* (1879, январь, стр. 9—59); *II. олимпізмъ* (1879, мартъ, стр. 471—510; апрѣль, стр. 763—801), *III. Религіи некультурныхъ языческихъ народовъ* (1880, январь, стр. 69—104); *IV Религіи культурныхъ языческихъ народовъ* (1880, февраль, стр. 222—264; мартъ, стр. 432—470),

*) Нумерація главъ въ подлинникѣ не совсѣмъ послѣдовательна.

V. *Деизмъ* (1881, январь, стр. 12—31; февраль, стр. 263—288); VI. *Пантеизмъ* (1881, октябрь, стр. 214—250; ноябрь, стр. 461—485); VII. *Атеизмъ* (1882, январь, стр. 9—28; февраль, стр. 201—231); VIII. *Теизмъ* (1883, май—июнь, стр. 167—195; июль, стр. 368—388); IX. *Доказательства бытія Божія* (1884, мартъ, стр. 553—563)

1. *Космологическое доказательство бытія Божія* (1884, апрѣль, стр. 693—716);
2. *Телеологическое доказательство бытія Божія* (1885, мартъ, стр. 570—604);
3. *Онтологическое доказательство бытія Божія* (1886, май—июнь, стр. 60—94);
4. *Гносеологическое доказательство бытія Божія* (1886, ноябрь, стр. 466—488);
5. *Психологическое доказательство бытія Божія* (1887, февраль, стр. 250—285);
6. *Историческое доказательство бытія Божія* (1888, январь, стр. 8—39);
7. *Нравственное доказательство бытія Божія* (1889, февраль, стр. 263—294; мартъ, стр. 431—449; апрѣль, стр. 651—690).

Заключеніемъ служить статья: *Значеніе доказательствъ бытія Божія* (1890, январь, стр. 3—26). Былъ-ли этотъ курсъ въ настоящемъ видѣ когда-нибудь дѣйствительно читанъ студентамъ, намъ неизвѣстно. Съ 1884 года покойный печаталъ въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ свой другой курсъ, — курсъ введенія въ философію и метафизику, хорошо извѣстный его слушателямъ послѣднихъ лѣтъ. Вышелъ слѣдующій рядъ статей, обнимающихъ введеніе въ философію, гносеологию и онтологию, часть космологіи и часть рациональной психологіи: 1. „*Что такое философія?*“ (В. и Р., философскій отдѣлъ, 1884, январь кн. 1, № 1, стр. 1—25; кн. 2, № 2, стр. 81—96); 2. „*Возможна-ли философія?*“ (1884, февраль кн. 1, № 3, стр. 129—145; кн. 2, № 4, стр. 193—208; мартъ, кн. 1, № 5, стр. 240—254); 3. „*Нужна-ли философія?*“ (1884, апрѣль, кн. 2, № 8, стр. 401—418; май кн. 1, № 9, стр. 455—473; кн. 2, № 10, стр. 513—542; июнь кн. 2, № 12, стр. 615—659; июль кн. 1, № 12, стр. 1—14); 4. „*Методъ философіи*“ (1884, октябрь кн. 2, № 20, стр. 333—345; ноябрь кн. 1, № 21, стр. 371—386; кн. 2, № 22, стр. 411—431); 5. „*Составъ философіи*“ (1884, декабрь кн. 1, № 23, стр. 453—471); 6. „*Объ основныхъ началахъ философскаго познанія*“ (1885, январь кн. 1, № 1, стр. 1—21);

кн. 2, № 2, стр. 53—77; февраль кн. 1, № 3, стр. 99—122); 7. „*Метафизическій анализъ эмпирическаго познания*“ (1886, январь кн. 2, № 2, стр. 51—77; февраль, кн. 1, № 3, стр. 103—130; кн. 2, № 4, стр. 155—175; мартъ кн. 2, № 6, стр. 277—295; апрѣль, кн. 1, № 7, стр. 327—346; май, кн. 1, № 9, стр. 423—438; кн. 2, № 10, стр. 481—492; июнь, кн. 2, № 12, стр. 615—627); 8. „*Пространство и время*“ (1886, ноябрь, кн. 2, № 22, стр. 483—505; декабрь, кн. 1, № 23, стр. 541—566; кн. 2, № 24, стр. 605—624; 1887, январь, кн. 2, № 22, стр. 483—505; декабрь, кн. 1, № 23, стр. 541—566; кн. 2, № 24, стр. 605—624; 1887, январь, кн. 2, № 2, стр. 73—93; февраль, кн. 1, № 3, стр. 114—132); 9. „*Метафизическій анализъ рациональнаго познания*“ (1887, февраль, кн. 2, № 4, стр. 143—165; мартъ, кн. 1, № 5, стр. 195—212; апрѣль, кн. 2, № 8, стр. 351—369; июнь, кн. 1, № 11, стр. 501—523; кн. 2, № 12, стр. 557—574; ноябрь, кн. 1, № 21, стр. 417—434; кн. 2, № 22, стр. 461—476; декабрь, кн. 1, № 23, стр. 513—528; кн. 2, № 24, стр. 575—589; 1888, январь, кн. 1, № 1, стр. 1—22); 10. „*Метафизическій анализъ идеальнаго познания*“ (1888, мартъ, кн. 2, № 6, стр. 243—262; апрѣль, кн. 2, № 8, стр. 353—379; май, кн. 2, № 10, стр. 451—471; июль, кн. 1, № 13, стр. 1—20; ноябрь, кн. 1, № 21, стр. 381—405; декабрь, кн. 1, № 23, стр. 473—501; кн. 2, № 24, стр. 525—543; 1889, апрѣль, кн. 1, № 7, стр. 259—282; кн. 2, № 8, стр. 297—321); 11. „*Безсмертіе души*“ (1885, сентябрь, кн. 1, № 17, стр. 211—229; кн. 2, № 18, стр. 259—276; октябрь, кн. 1, № 19, стр. 303—317; кн. 2, № 20, стр. 349—372; декабрь, кн. 1, № 23, стр. 497—524; кн. 2, № 24, стр. 547—574; 1886, январь, кн. 1, № 1, стр. 1—22); 12. „*Изъ чтеній по космологіи. Происхожденіе міра*“ (1890, ноябрь, кн. 2, № 22, стр. 391—426; декабрь, кн. 2, № 24, стр. 493—522; 1891, октябрь, кн. 2, № 20, стр. 327—346; ноябрь кн. 2, № 22, стр. 417—448). Послѣдняя статья, посвященная разбору матеріалистической, дуалистической и пантеистической теорій мірообразованія и теистическому рѣшенію вопроса, осталась неоконченною. Какъ отрывки изъ этого

курса, могутъ быть разсматриваемы и вышеприведенныя статьи: „Матеріалистическій атомизмъ“, „Телеологическая идея и матеріализмъ“, „Телеологическое значеніе природы“ (отрывки изъ космологіи), „Самостоятельность начала органической жизни“ и „О происхожденіи органическихъ существъ“ (отрывки изъ рачіональной психологіи). Въ 1889-90 гг. покойный издалъ свой извѣстный учебникъ философіи для духовныхъ семинарій: „*Введеніе въ философію*“ (Москва, 1889; 2-е изданіе безъ измѣненій тамъ-же, 1890) и „*Начальныя основанія философіи*“ (выпускъ I, Москва 1889; выпускъ II, 1890. 2-е изданіе съ нѣкоторыми дополненіями и сокращеніями, въ одной книгѣ, тамъ-же 1891). Этотъ превосходный учебникъ представляетъ сокращеніе его академическаго курса. Последнею работою Виктора Дмитріевича является печатающаяся въ настоящей книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ статья „*Регрессивная и прогрессивная теорія происхожденія міра*“, которую авторъ передалъ въ редакцію незадолго до смерти. Какъ видитъ читатель, покойный писалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Какъ мы слышали, въ его бумагахъ найдена наполовину приготовленную къ печати другая статья, назначенная для „Вѣры и Разума“ и, вѣроятно, заключающая продолженіе тѣхъ-же „Чтеній по космологіи“. Кромѣ того покойный оставилъ много другихъ неизданныхъ рукописей, которыя онъ завѣщалъ вмѣстѣ со всѣми своими сочиненіями Братству Преподобнаго Сергія. Безъ сомнѣнія, часть этихъ рукописей будетъ напечатана *).

Викторъ Дмитріевичъ не былъ строгимъ послѣдователемъ никакого отдѣльнаго мыслителя; даже съ его учителемъ, Ѳ. А. Голубинскимъ, его соединяетъ только единство направленія. Но съ другой стороны онъ не принадлежалъ и къ тѣмъ философамъ, значеніе которыхъ состоитъ въ по-

*) Кромѣ перечисленныхъ философскихъ сочиненій, Виктору Дмитріевичу принадлежатъ шесть проповѣдей, написанныхъ и произнесенныхъ имъ въ 50—60-хъ годахъ: „Слово на день Вознесенія Господня“ (Прибавленія къ твор. св. Отцевъ, т. XVII), „Слово на день св. Апостоловъ Петра и Павла“ (Прибав. т. XIX), „Слово на день сошествія св. Духа“ (Прибав. т. XXI), „Слово въ великій пятокъ“ (Прибав. т. XXII), *Бесѣда „о житейскихъ заботахъ“* (Душеполезное Чтеніе 1867 г. т. 3) и „Слово въ день годовичнаго поминовенія въ Бозѣ почившаго архипастыря митрополита Филарета“ (Прав. Обзор. 1868, ноябрь).

строеніи оригинальныхъ или своеобразныхъ философскихъ міросозерцаній. Его заслуга заключается въ сильной и самостоятельной критикѣ уже существующихъ міросозерцаній и въ убѣдительной философской защитѣ идеаловъ христіанства. Задача, которую онъ себѣ ставилъ, была въ томъ, чтобы на почвѣ философской критики развить и обосновать согласную съ христіанствомъ систему метафизическихъ идей, и онъ блестяще выполнилъ эту задачу. Соотвѣтственно этому его методъ былъ *дедуктивно-критическій*. Начиная изслѣдованіе какой-нибудь проблемы, онъ обыкновенно сначала излагалъ ея исторію, затѣмъ разсматривалъ существующія или представляющіяся возможными доказательства въ пользу извѣстнаго ея рѣшенія, потомъ оцѣнивалъ возраженія, выставленныя противъ этого рѣшенія различными философскими школами, и наконецъ послѣ этой, часто долгой и кропотливой, критической работы дѣлалъ свои выводы. Покойный обладалъ необыкновенною способностью легко и ясно ориентироваться въ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ философскихъ вопросахъ и замѣчательнымъ умѣньемъ излагать свои мысли просто, логически стройно и послѣдовательно. Въ его метафизикѣ совсѣмъ нѣтъ того „метафизическаго тумана“, который обыкновенно считается необходимою принадлежностью этой науки. Въ его сочиненіяхъ трудно найти явное логическое противорѣчіе, немотивированный выводъ, даже просто недостаточно продуманную фразу. Его читатель всегда знаетъ, что хочетъ сказать ему авторъ, и безъ труда слѣдитъ за его сложными построеніями. Въ добавокъ къ этому покойный соединялъ съ критическимъ талантомъ и ясностью мышленія и изложенія превосходный языкъ, простой, точный и живой, въ одно и то-же время чуждый и схоластическаго педантизма, и фривольной вычурности. Даже тѣ, кто будутъ несогласны съ его воззрѣніями, должны признать, что онъ былъ блестящій философскій писатель.

Здѣсь, конечно, не мѣсто излагать подробности философскаго міросозерцанія Виктора Дмитриевича, и мы ограничимся только изложеніемъ общей схемы его философскихъ изслѣдованій и отмѣтимъ только общія его точки зрѣнія. Философію Викторъ Дмитриевичъ опредѣляетъ какъ „науку объ абсолютномъ и идеяхъ, разсматриваемыхъ въ отношеніи къ абсолютному, въ ихъ взаимной связи и проявленіи

въ бытіи феноменальномъ“. (Что такое философія? „Вѣра и Разумъ“ 1884, № 2, стр. 90), или, по другому опредѣленію, какъ „науку о сущности, послѣднемъ основаніи и цѣли существующаго“ (Введеніе въ философію, стр. 20). Систему философіи онъ дѣлилъ въ своихъ академическихъ чтеніяхъ на четыре части: 1) гносеологію и онтологію, 2) естественное богословіе, 3) космологію и 4) рациональную психологію, къ которой въ его учебникѣ присоединяется еще нравственная философія. Въ гносеологіи онъ различаетъ три вида человѣческаго познанія: эмпирическое, рациональное и идеальное. Предметомъ эмпирическаго познанія служатъ представленія о чувственномъ бытіи, его качествахъ и формахъ (пространствѣ и времени). Предметомъ рациональнаго познанія являются общія идеальныя опредѣленія (категоріи) чувственнаго бытія, — понятія единства и множества, тождества и противорѣчія, субстанціи, причины, цѣли, и проч. Предметы идеальнаго познанія образуютъ идеи о сверхчувственномъ бытіи, идеи Бога, истины, добра, совершенства, и т. д. Уклоняясь отъ одностороннихъ теорій, онъ признаетъ формы эмпирическаго познанія вмѣстѣ съ тѣмъ и формами объективнаго бытія. Пространство и время онъ считаетъ реальнымъ свойствомъ всѣхъ мыслимыхъ и дѣйствительно существующихъ вещей, атрибутомъ всего конечнаго и ограниченаго бытія, и разсматриваетъ ихъ какъ *формы взаимнаго ограниченія вещей*. Пространство есть форма внѣшняго ихъ ограниченія, выражающая тотъ общій законъ, что *многія* вещи могутъ существовать только одна *подлѣ* другой, каждая занимая свое опредѣленное *мѣсто*; время есть форма ихъ внутренняго ограниченія, обусловленная тѣмъ, что постепенность обнаруженія природы данной вещи требуетъ *последовательности, смѣны* одного состоянія другимъ. Такъ-же смотритъ онъ и на категоріи рациональнаго познанія. Разбирая важнѣйшія изъ этихъ категорій, понятія субстанціи, причины и цѣли, онъ находитъ, что онѣ не могутъ быть ни случайнымъ продуктомъ опыта, какъ утверждаетъ сенсуализмъ, ни исключительно апріорными формами мысли, чуждыми объективной дѣйствительности, какъ учитъ рационализмъ: онѣ суть въ одно и то-же время и апріорные законы человѣческаго духа, предшествующіе всякому опыту, и апостеріорные законы дѣй-

ствительности, открытыя въ опытѣ. Наконецъ, такую-же субъективно-объективную реальность имѣютъ и предметы идеальнаго познанія, — высшія идеи сверхчувственнаго. Главная изъ этихъ идей, идея Бога, составляющая средоточіе и основу философіи и религіи, такъ-же необходимо предполагаетъ дѣйствительное бытіе ея высочайшаго объекта, какъ наши ощущенія необходимо предполагаютъ бытіе ви́шняго міра. Происхожденіе этой идеи объяснимо только изъ дѣйствія Божества на конечный духъ человѣка и внутренняго ощущенія человѣкомъ Божества, изъ безконечнаго объективнаго воздѣйствія и конечнаго субъективнаго воспріятія, выражающагося такъ или иначе на языкѣ представленій, понятій и чувствъ. Такимъ образомъ, по воззрѣнію Виктора Дмитріевича, все содержаніе человѣческаго познанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе объективнаго бытія: вотъ почему гносеологія (ученіе о познаніи) стоитъ у него въ нераздѣльной связи съ онтологіей (ученіемъ о бытіи). Дальнѣйшее изслѣдованіе верховной философской идеи Бога служитъ предметомъ естественнаго богословія или рациональной теологіи. Вопросы, которые здѣсь возникаютъ для философской мысли, тѣ-же, что и вопросы религіозной вѣры: это — вопросъ о бытіи Божіемъ, вопросъ о существѣ и свойствахъ Божества и вопросъ объ отношеніи Божества къ конечному бытію. Изслѣдуя доказательства бытія Божія и признавая недостатки каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, Викторъ Дмитріевичъ находитъ, что въ своей совокупности они не только представляютъ вполне достаточное рациональное основаніе для нашего убѣжденія въ этой истинѣ, но и служатъ философскою основой для нашихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій о Божествѣ. То понятіе о Богѣ, которое изъ нихъ вытекаетъ, есть понятіе всесовершеннаго личнаго Духа, абсолютной причины и конечной цѣли существующаго. Вопросъ объ отношеніи Бога къ міру не разрѣшимъ ни съ точки зрѣнія деизма, ни съ точки зрѣнія пантеизма: въ первомъ случаѣ, желая утвердить взаимную самостоятельность Божества и міра, уничтожаютъ всякое отношеніе между ними; во второмъ, желая установить это отношеніе, уничтожаютъ ихъ самостоятельность и различіе. Единственное удовлетворительное рѣшеніе проблемы даетъ только *теизмъ*, который мыслитъ Божество трансцендентнымъ міру по су-

ществу, но въ то-же время имманентнымъ ему по Его дѣйствіямъ. Съ точки зрѣнія теизма Богъ относится къ міру и человѣку какъ необходимое бытіе къ случайному, какъ совершенное къ несовершенному, какъ всемогущая воля и промышляющій разумъ къ условному и конечному. Онъ есть источникъ всего существующаго и абсолютный принципъ примиренія тѣхъ противорѣчій бытія, которыя открываются въ нашемъ опытѣ. Если деизмъ неизбѣжно совпадаетъ съ дуализмомъ, въ которомъ Божество лишено связи съ конечнымъ бытіемъ, и гдѣ связь между идеальной и реальной стороной этого бытія является непонятною; если пантеизмъ есть необходимо субстанціальный монизмъ, въ которомъ Богъ и міръ, духъ и матерія нераздѣльно слиты въ одной имманентной всѣмъ отдѣльнымъ явленіямъ абсолютной сущности, то теизмъ есть *монизмъ трансцендентальный*, объединяющій враждующія противоположности бытія посредствомъ одинаго возвышающагося надъ конечными явленіями, трансцендентнаго абсолютнаго существа. Отъ идеи Абсолютнаго бытія послѣдовательный переходъ къ проблемамъ конечнаго бытія съ его двумя сторонами, міромъ физическимъ и міромъ духовнымъ. Философское изслѣдованіе физическаго міра является предметомъ космологіи, философское изслѣдованіе духовнаго міра составляетъ содержаніе рачіональной психологіи. Космологія должна рѣшить намъ три проблемы: вопросъ о субстанціальной основѣ физическаго міра, вопросъ о происхожденіи міра и вопросъ о назначеніи и цѣляхъ міра. Субстанціальною основой физическаго міра признается матерія; но что такое матерія въ своемъ существѣ, этого мы не знаемъ, и философія до сихъ поръ не выработала на этотъ счетъ никакихъ ясныхъ и точныхъ понятій. Всѣ существующія теоріи матеріи: древняя теорія непрерывно протяженнаго бытія (*continuum*), атомизмъ, динамизмъ, математическій атомизмъ, монадизмъ, полны противорѣчій и не выдерживаютъ критики. О матеріи можно сказать только слѣдующее: во первыхъ, она есть нѣчто противоположное нашему духу, пространственное, дѣлимое, инертное, способное къ механическому движенію и къ качественнымъ и количественнымъ перемѣнамъ подъ вліяніемъ виѣшняго воздѣйствія; во вторыхъ, она не есть самостоятельное метафизическое начало, а только субстратъ

для дѣйствія и проявленія нематеріальныхъ силъ и законовъ. Какъ произошла матерія, ея формы и дѣйствующіе въ ней законы и силы, этотъ вопросъ неразрѣшимъ съ точки зрѣнія имманентныхъ началъ. Матеріалистическій атомизмъ, который пытается объяснить происхождение неорганической природы изъ случайнаго сдѣяленія атомовъ или изъ дѣйствія имманентнымъ имъ силъ, и біологическій эволюціонизмъ, который хочетъ объяснить происхождение организмовъ путемъ произвольнаго зарожденія и трансформациі органическихъ видовъ, не даютъ намъ никакого дѣйствительнаго объясненія: не говоря уже о многихъ частныхъ философскихъ и научныхъ недостаткахъ этихъ теорій, онѣ не показываютъ намъ, какъ и откуда возникли тѣ послѣдніе элементы матеріи, изъ которыхъ образовались и развились формы органическаго и неорганическаго бытія, и тѣ силы, подъ воздѣйствіемъ которыхъ совершался и совершается этотъ процессъ. Единственное удовлетворительное рѣшеніе проблемы возможно только въ томъ случаѣ, если мы признаемъ абсолютную трансцендентную причину мірообразования и допустимъ твореніе міра Богомъ изъ ничего. Яснымъ доказательствомъ существованія абсолютной разумной причины міра служить его цѣлесообразность. Великій законъ цѣлесообразности открывается и въ удивительномъ строеніи организмовъ, и въ сложныхъ процессахъ неорганической природы, и въ гармоническомъ сочетаніи и взаимодействіи силъ и законовъ вселенной. Всѣ возраженія противъ телеологіи основаны или на недоразумѣніяхъ или на неполномъ нашемъ знаніи дѣйствительности. Внутреннюю (имманентную) цѣлью міра является его собственное сохраненіе и развитіе; его внѣшняя цѣль есть нравственно-разумное бытіе, благо и совершенство человѣка; его абсолютная цѣль есть его приближеніе къ абсолютному совершенству, достиженіе того идеала, который составляетъ мечту оптимизма, и устраненіе тѣхъ золъ, которыя наблюдаетъ въ немъ пессимизмъ. Рациональная психологія изслѣдуетъ четыре вопроса: вопросъ о началѣ органической и психической жизни, вопросъ объ отношеніи души къ тѣлу, вопросъ о свободѣ воли и вопросъ о безсмертіи души. Органическая и психическая жизнь не могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія физико-химическаго механизма и матеріализма. Различіе органическихъ процес-

совѣ отъ явленій и формъ неорганическаго міра и фактическая невозможность свести первые къ общимъ физико-химическимъ законамъ являются аргументомъ въ пользу старой теоріи витализма, допускающей самостоятельное начало органической жизни, жизненную силу. Глубокая противоположность душевныхъ явленій всѣмъ видамъ и процессамъ матеріи и фактъ единства сознанія опровергаютъ матеріализмъ и заставляютъ признать духовность и субстанціальность психическаго начала. Въ вопросѣ объ отношеніи духа къ тѣлу Викторъ Дмитріевичъ держался спиритуалистическаго дуализма, т. е., допуская субстанціальное различіе того и другаго, онъ согласно съ своимъ взглядомъ на матерію ставилъ тѣло въ подчиненное отношеніе къ духу. Его точка зрѣнія на свободу воли можетъ быть названа умѣреннымъ индетерминизмомъ. Признавая чловѣка свободнымъ по существу, онъ однако не считаетъ возможнымъ приписать ему, какъ существу ограниченному, неограниченную и абсолютную свободу и ставитъ его волю въ известную эмпирическую зависимость отъ его практическаго разума, его нравственнаго развитія и внѣшнихъ условій. Изслѣдуя доказательства безсмертія души (онтологическое, психологическое, телеологическое и нравственно-теологическое), онъ разсматриваетъ ихъ съ той-же точки зрѣнія, съ какой онъ смотритъ на доказательства бытія Божія: не считая ихъ вполне достаточными каждое въ отдѣльности, онъ показываетъ, что они взаимно дополняютъ другъ друга и въ общей совокупности образуютъ твердую основу для философской увѣренности въ вѣчномъ существованіи нашего духа. Въ своей нравственной философіи Викторъ Дмитріевичъ примыкаетъ къ теоріи нравственнаго долга. Началомъ и цѣлью нравственной дѣятельности онъ признаетъ въ противоположность эвдемонизму и утилитаризму идеаль высшаго нравственнаго совершенства. Но въ оцѣнкѣ этого идеала онъ расходится съ точкой зрѣнія автономической этики Канта; находя идею независимаго нравственнаго закона несогласною съ фактической природой чловѣка и внутренне непоследовательною, онъ доказываетъ, что нравственный законъ долженъ быть разсматриваемъ какъ законъ Божественной воли, а стремленіе къ абсолютному нравственному совершенству должно совпадать съ стремленіемъ къ

абсолютно совершенному Существо, возникающимъ изъ чистой и безкорыстной любви къ Нему.

Смерть Виктора Дмитриевича надолго будетъ незамѣнимой утратой. Мы не знаемъ, займетъ-ли кто-нибудь вполнѣ его мѣсто въ наукѣ и литературѣ; во всякомъ случаѣ, пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ это случится. Торжественные похороны и длинный рядъ рѣчей, произнесенныхъ предъ его гробомъ и на его могилѣ, показываютъ, съ какой скорбью Академія провожала его къ его вѣчному жилищу; телеграммы и письма, полученныя по поводу его кончины изъ различныхъ концовъ Россіи, свидѣтельствуютъ, что эта скорбь отозвалась далеко за предѣлами Академіи. Тѣ, кому онъ былъ извѣстенъ по каедрѣ и по сочиненіямъ, утратили въ немъ выдающагося профессора и ученаго; тѣ, кто зналъ его лично, потеряли въ немъ золотое сердце добраго и благороднаго человѣка. Да будетъ миръ его праху и вѣчная память его дѣятельности и личности!

И. Соколовъ.
